

**БИРОНОВЩИНА**

*Преуспяние бесчестных есть несчастье для всех остальных.*

Публий Сир

*Сколько бы цари ни дурили, всегда достается ахейцам.*

Гораций

Воцарение Анны Ивановны поначалу принесло возвышение главарям шляхетства и перебежчикам. По четыре тысячи душ получили М. М. Голицын и Антиох Кантемир с братьями. В генерал-майоры произвели Н. Ю. Трубецкого. Богатые пожалования получил Черкасский. 1 июня начала работать комиссия, подготовившая (в 1732 году) рекомендацию уравнивать жалованье русских дворян с иностранцами (преимущество иностранцев в России с петровских времен выражалось в трехкратном жалованье). Был сокращен срок службы дворян до 25 лет, причем солдатами в полки записывали с детского возраста. В 1731 году открылось кадетское училище для подготовки дворянских детей в офицерские чины. Согласно предложениям шляхетства Анна воссоздала Сенат в количестве 21 члена. Правда, сенаторов она назначила сама. И, сделав какие-то уступки, она тут же стремилась забрать их назад.

Сенат не получил определенного статута. Чтобы умерять возможные его притязания, были восстановлены должности генерал-прокурора (им вновь стал Ягужинский) и прокуроров. Затем его и вовсе разбили на департаменты. Верховники распустили в 1729 году имевший зловещую репутацию Преображенский приказ. В 1731 году он был восстановлен снова. В том же году в обход Сената создается Кабинет министров в составе Остермана, Головкина и Черкасского. Это учреждение фактически бесконтрольно и вершило дела.

На место в Кабинете рассчитывал и Ягужинский. Но он был ненавистен многим из окружения [167] императрицы, включая виртуозного мастера интриги Остермана. Ягужинского отправили посланником в Берлин, а его обязанности принял на себя Анисим Семенович Маслов, незадолго до этого получивший должность обер-прокурора Сената. В отличие от Ягужинского Маслов ни на что не претендовал. К делу же он относился с неизменной ответственностью и даже страстностью.

Довольно долгое время Анна чувствовала себя неуверенно в Москве и лихорадочно искала путей укрепления своего положения и ослабления вероятных противников. Расправиться одним махом с составителями Кондиций она не могла: слишком многими нитями они были соединены с широкими дворянско-бюрократическими и церковными кругами. Поэтому, с одной стороны, делается все, чтобы поссорить между собой представителей старых аристократических родов, а с другой — подобрать новых людей, не просто верных, но и хотя кое на что способных. Анне к тому же на первых порах хотелось выглядеть объективной и независимой: она любила сама выслушивать разные мнения и делать якобы самостоятельный выбор. Подсознательно она, может быть, и чувствовала, что государственный аппарат не может обходиться без таких людей, как Маслов. Как заведомый недруг Долгоруких и Голицыных был приглашен в столицу и произведен в сенаторы также Александр Иванович Румянцев, генерал-майор — отец будущего великого полководца.

Румянцев оказался слишком горячим. Он возмутился вскоре же начавшимся грабежом русской казны со стороны немцев и собственноручно отдубасил брата фаворита Анны — Карла Бирона (1684—1744), произведенного в 1730 году из подполковников сразу в генерал-майоры. В итоге угодливый Сенат приговорил Румянцева к смертной казни, замененной ссылкой в казанские деревни.

Более гибкую тактику проводил Маслов. Он не пытался вступать в борьбу с весильными временщиками. Напротив. Он стремился использовать их в борьбе со злом. По замечанию Ключевского, Маслов был одним из тех государственных деятелей, «какие появляются и в темные времена народной жизни, помогая своим появлением мириться не с этим временем, а со страной, которая их допускает в своей жизни». Должность позволяла Маслову, даже обязывала его выявлять злоупотребления в высших сферах до Сената включительно. И его разоблачения наводили тем больший ужас на вельмож, что сам он [168] совершенно не был запятнан в каких-либо корыстных деяниях. Люди типа Маслова нужны правителям и опасны для них, поскольку являются как бы выражением чистого государственного интереса. Для правителей же часто государственный интерес — лишь необходимая демагогическая завеса, скрывающая действия, никак с ним не согласующиеся. Пока Анна нуждалась в сведениях, изобличавших ее противников и даже приверженцев, а потому терпеливо сносила весьма решительные предложения Маслова, затрагивавшие интересы широких слоев дворянства и бюрократии. Но Сенат при закрытых дверях обсуждал возможные контрмеры против Маслова. И неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы обер-прокурор не скончался в 1735 году, в самый разгар своей весьма плодотворной административной деятельности.

Реальная власть в стране все более оказывалась в руках иностранцев. Но делалось это постепенно, дабы не разбудить у русского дворянства национальных чувств и не пробудить его к совместным действиям. Первая волна опалы была направлена против Долгоруких, более всего потерявших в глазах многих своим поведением в правление Петра II. 8 апреля 1730 года Анна распорядилась выслать Василия Лукича губернатором в Сибирь, Михаила — в Астрахань, Ивана Григорьевича — воеводой в Вологду, а Алексей Григорьевич с детьми и Сергей Григорьевич высылались в дальние деревни. Не прошло и недели, 14 апреля последовал «манифест», в котором перечислялись вины Алексея Григорьевича с сыном Иваном и братьями, а также особые вины Василия Лукича в отношении императрицы. У Алексея Григорьевича с братьями был конфискован, как писала Анна, «наш скарб, состоящий в драгих вещах на несколько сот тысяч рублей». Василию Лукичу было предписано жить в дальней деревне «безвыездно за крепким караулом». Летом 1730 года их разослали еще дальше: Алексея Григорьевича в Березов, Василия Лукича в Соловки и т. д.

Лишь один из Долгоруких был пока оставлен в занимаемой должности: фельдмаршал Василий Владимирович Долгорукий. Фельдмаршал явно не имел отношения к компании Алексея Григорьевича, и было бы очевидным произволом отстранять популярного в армии полководца. Другой фельдмаршал, Михаил Михайлович Голицын, судя по всему, дрогнувший в феврале 1730 года, был даже пожалован селами и назначен президентом Военной [169] коллегии. Фельдмаршал скончался в конце 1730 года, раздавленный грузом совести, стыдясь слабости, в результате которой его возвышали за счет унижения собственного брата. Должность президента была передана Василию Владимировичу. Но ненадолго. Через год его заключили в Шлиссельбургскую крепость за то, что он дерзнул непристойным образом толковать «государству полезные учреждения» императрицы, а также ее собственную «персону поносительными словами оскорблять».

«Полезные учреждения» императрицы касались главным образом устройства ее фаворитов. Отстранение одного и кончина другого русских фельдмаршалов не только открыли доступ к высшим должностям в армии иностранцам, но и лишили русскую оппозицию реальной силы и действенного руководства. В. Л. Долгорукий и Д. М. Голицын глубоко заблуждались, если надеялись на приверженность Анны к древним русским традициям. Прусский посланник Марфельд уже в феврале 1730 года доносил, что императрица «в душе больше расположена к иностранцам, чем к русским,

отчего она в своем курляндском штате не держит ни одного русского, а только немцев». По выражению Ключевского, с воцарением Анны «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались на все доходные места в управлении». Сразу по воцарении Анна как бы в противовес Преображенскому и Семеновскому гвардейским полкам создает Измайловский (по имени резиденции) полк. Президента Военной коллегии, которым оставался еще М. М. Голицын, из числа лиц, участвующих в формировании полка, исключили. Командование полком Анна поручила одному из своих фаворитов, Карлу-Густаву Левенвольде, которому доверялся и подбор офицерского состава. Естественно, что он набрал его из иноземцев, преимущественно из остзейских немцев. Подполковником стал незадолго перед тем перешедший на русскую службу Яков Кейт — один из первых организаторов масонских лож в России, тесно связанный с немецкими (гамбургскими) ложами. Масонство становится удобной формой организации иноземцев при дворе. Хотя между прогерманскими и проанглийскими ложами существовали известные трения (в 1731 году гроссмейстер Лондонской Великой ложи лорд Ловель назначил капитана Джона Филиппса провинциальным гроссмейстером России), общий язык они, как правило, находили, а митавская ложа долго [170] будет иметь значение своеобразного масонского центра в России. Пути в масонские ложи искали и отдельные представители русских аристократических фамилий {Видными масонами были позднее сыновья Н.Ю. Трубецкого. Если учесть, что в масонство принимают часто семьями и степень посвящения зависит от масонской «родословной», то вероятно и непосредственное участие Н. Ю. Трубецкого в деятельности масонских лож. Видным масоном был и его подопечный М. М. Херасков. В 40-е годы вскрылась принадлежность к масонству братьев Чернышевых и некоторых других вельмож. Гнездились масонство и в доме А. М. Черкасского. Несколько иной характер носило увлечение масонством в 50-е годы: оно было связано с принадлежностью к масонам будущего императора Петра III}.

Состав Измайловского полка очень хорошо показывал действительное отношение нового правительства к российским интересам. Даже среди рядовых русских не было. Их набирали в основном в Малороссии и в таких слоях, где еще не исчезли противорусские настроения.

Карл-Густав Левенвольде имел и придворную должность обер-шталмейстера. Его братья также получили назначения: Рейнгольд — звание обер-гофмаршала, а Фридрих-Казимир — камергера. Придворные должности, помимо прочего, имели то преимущество, что реально оплачивались, и неплохо оплачивались (жалованье обер-гофмаршала Левенвольде составляло 4188 рублей 30 копеек в год), тогда как, например, сенаторам (размер жалованья их определялся чином), по существу, не платили {Даже обер-прокурор А. С. Маслов за все время службы с января 1730-го по ноябрь 1735 года — не получал жалованья, а к концу 30-х годов «сэкономленные» таким образом деньги использовались Сенатом для покрытия непредвиденных расходов}.

С устранением русских фельдмаршалов в фельдмаршалы был произведен Миних. В обер-камергеры производился «Яган Эрнест фон Бирон», «особливо нам любезно верный... через многие годы будучи в нашей службе при комнате нашей», — откровенно поясняла императрица.

Анна преувеличивала в указе о назначении Бирона, «удревняя» историю своих особых с ним отношений. Всего за два года до воцарения она слезно молила верховников, дабы они отпустили к ней задержанного в столице курляндского резидента П. М. Бестужева, связь с которым продолжалась у нее почти два десятилетия. Но верховники отпустили Бестужева именно тогда, когда им стало известно о появлении у Анны нового фаворита.

Бирон не имел длинной родословной. Правда, он [171] попытался поднять документы о курляндских дворянах Биронах, известных с конца XVI века, но курляндское рыцарство сочло, что Бироны не представили действительных доказательств своего благородного происхождения. Позднее Иоганн Эрнст Бирон стремился привязаться к роду французских герцогов Биронов. В этом ему изо всех сил помогал Антиох Кантемир, находившийся в Париже в качестве русского посланника.

Иоганн Эрнст родился в 1690 году. Он учился в Кенигсбергском университете, но был изгнан оттуда за какую-то скандальную историю. В 1722 году ему пришлось длительное время отсидеть в Кенигсберге за драку, и его отпустили при условии уплаты 700 талеров штрафа. Сумма эта висела на нем в течение нескольких лет. В штате Анны он появился в 1718 году не без помощи П.М. Бестужева. Но в первый раз он пробыл там недолго: за попытку оклеветать Бестужева и его сыновей перед Анной он был изгнан. Вторично он попадает ко двору Анны в 1724 году. Теперь он проявляет больше выдержки и умело использует длительное отсутствие прежнего фаворита. Вернувшись в 1728 году в Митаву, Бестужев быстро убедился в том, что оставленные им подопечные вполне столковались между собой, и ему оставалось жаловаться дочери (княгине Аграфене Волконской) о своей печали: «Чрез злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш друг более в кредите остался». Очевидно, с дочерью Бестужева у Бирона тоже были особые отношения. Если принять во внимание еще и то, что Бестужев пристраивал Бирона ради его сестры, то клубок и вообще не распутать. Тем не менее Бестужев, видимо, искренне плакался дочери: «Знаешь ты, как я того человека люблю, который теперь от меня отменился». Анна же, утешившись с Бироном и Левенвольде, потом не гнушалась и преследованиями своего прежнего долголетнего «голанта».

Еще Екатерина I, видимо от камергера Левенвольде, слышала, что Бирон «знал силу в лошадях и охотник к тому был». Это его качество отметил и австрийский резидент Остейн. Он заметил, что когда Бирон говорил о лошадях или с лошадьми, то он говорил как человек, а когда говорил о людях или с людьми, то говорил как лошадь. Но такой эрудиции вполне было достаточно для удовлетворения ближайших запросов не только императрицы или ее фрейлин, а и разного рода русских и иностранных деятелей. Кроме лошадей, у него была и страсть к картам. [172] А это позволяло ему выглядеть вполне светским человеком.

У Бирона было и еще одно качество, делавшее его «легким» в обращении: он, как никто, умел брать, не стесняясь сам и не заставляя стесняться дающего. В России 30-х годов часто вставал вопрос о том, как плохо брать взятки. Но само собой разумелось, что Бирону надо давать во всех случаях, и при этом дающий считал себя благодетельствованным. Наспех составленное в 1741 году «судное дело» успело зафиксировать сотни тысяч рублей, выжатых им из своих жертв. Но во много раз больше не попало в эту цифру. Бирона осыпают подарками вельможи, их супруги и дочери. Жена Черкасского нижайше благодарит его за «милости», оказанные супругу. Униженно заискивает перед ним цесаревна Елизавета, пресмыкаются родственники Анны, в том числе, казалось бы, всемогущий С.А. Салтыков. Страстный обличитель людских пороков Антиох Кантемир участвует в бесчестной подделке, «устраивая» Бирону во Франции герцогский титул. Отовсюду к Бирону стекаются в качестве подарков лошади и драгоценности. Эту дань вынужден платить и Татищев. К Бирону присылают жалобы с солидным материальным приложением, и его благодарят за то, чего он никогда не делал. Неподкупный Маслов, боевой генерал Румянцев, возвращенный из ссылки, «птенец гнезда Петрова» Кириллов подписываются в письмах к Бирону «нижайший раб». Презирующие его иностранные резиденты наперебой предлагают весьма солидные суммы либо за продажу того или иного интереса, либо (даже чаще) за то, чтобы он не продал его кому другому. Уже в июне 1730 года австрийский посланник «пожаловал» Бирону диплом графа Римской империи, портрет

императора, украшенный бриллиантами, и двести тысяч талеров, чтобы предотвратить возможность русско-французского союза. Два года спустя Карл-Густав Левенвольде получил гарантии, что Бирону будут выплачены двести тысяч талеров за подписание нужного Пруссии соглашения о Курляндии (обязательство избрать на курляндский стол в будущем сына прусского короля). Около того же времени Миних убеждал секретаря французского посольства Маньяна о необходимости «подарить» Бирону сто тысяч экю за поддержку идеи союза России с Францией. Еще более крупную взятку Бирон и Левенвольде получили за разрешение транзитной беспошлинной торговли английским купцам со странами Востока, что [173] нанесло неисчислимый урон русскому купечеству. «Подарками» подстегивалось и значительное снижение пошлин на иностранные товары, проведенное по инициативе Остермана и не без участия Бирона. Расплачивались и непосредственно кровью русских солдат. В России подбирали для прусского короля рослых гвардейцев. Русские полки посылались в помощь иностранным дворам без какой-либо выгоды для государства. Бесславные поражения понес Миних в войне за польское наследство. Практически безрезультатно закончилась четырехлетняя война с Турцией, унеся до сотни тысяч жизней и многие миллионы денег. А императрица на радостях по случаю заключения мирного договора презентовала Бирону, никакого отношения ни к победам, ни к поражениям в данном случае не имевшему, золотой сосуд, осыпанный бриллиантами, и пятьсот тысяч рублей (естественно, не вся сумма могла уместиться в сосуде). И это в условиях, когда нечем было платить даже боевым офицерам. Уже с началом правления Анны иностранные резиденты удивлялись тому, что «при неслыханной роскоши двора в казне нет ни гроша, а потому никому ничего не платят».

Бироновщина в нашей историографии оценивалась обычно достаточно однозначно. Но в конце прошлого и начале нашего столетия появились работы Е. Карновича и В. Строева, в которых сделана попытка пересмотреть сложившийся взгляд на это явление. Обе работы, особенно вторая, тенденциозны, но не лишены заслуживающих внимания оценок и аргументов. Так, Е. Карнович признает, что «Бирон, несмотря на все его честолюбие, был личностью довольно ничтожною». Но он не без оснований говорит и о том, что русское дворянское общество этой поры лучшего и не стоило. После вспышки гражданских чувств 1730 года неизбежно должен был последовать отлив, тем более что восторжествовала, в сущности, идея оправдания раболепия, прикрываемая приверженностью к монархии. Внук знаменитого фаворита Софьи В.В. Голицына — Андрей Голицын и потомок князей Волконских исполняли при дворе Анны роли шутов. И маркиз де Шетарди имел основания сказать про русских вельмож, что они «знатны только по имени, в действительности же они были рабы и так свыклись с рабством, что большая часть не чувствовала своего положения». М.М. Щербатов, историк XVIII века, приводит характерный эпизод из этой эпохи: Бирон, у которого по пути в Митаву повредилась карета, [174] созвал сенаторов и, осыпая их бранью, угрожал, что он «их вместо мостовин велит для исправления мостов положить». Щербатов обижался за сенаторов, с которыми так обращались. Е. Карнович справедливо заметил, что они того и стоили, если позволяли так с собой обращаться. В. Строев увидел в этом факте заботу о путях сообщения России.

Е. Карнович не без оснований возражает против попыток переложить всю вину на Бирона, как бы очистив саму императрицу и пресмыкавшихся перед ними обоими русских вельмож. Он цитирует Кантемира, который «видел в поступках ее мудрость многу, и сколь ей к истине расчищена дорога». Просвещенный Феофан Прокопович рассыпался приторными виршами вроде: «Ты наш ясный свет, ты красный цвет, ты доброта, ты веселие, велие». А.М. Черкасский по случаю мира с Турцией произнес на восемь страниц панегирик (от имени российского народа). Но от тех, кто явно (как Кантемир или Прокопович) или тайно (как Черкасский) ратовал за сохранение неограниченного самодержавия, ничего иного ожидать было и

невозможно. А борьба велась на протяжении всего десятилетия бироновщины. Ключевский обращает внимание на то, что свыше двадцати тысяч человек было сослано в Сибирь, еще больше снималось со своих мест и бежало куда глаза глядят. Брожение неизменно захватывало и верхи русского дворянства, хотя проявлялось оно по-разному.

Еще один аргумент Е. Карповича заслуживает внимания. Он считает, что от иностранца в России нельзя требовать, чтобы он служил России так же, как это требуется, скажем, от русского дворянина: само собой разумеется, что иностранец бескорыстно служить не будет. Бирон этого никогда и не пытался скрывать. Он демонстративно отказывался учить русский язык и подчеркивал свое «невмешательство» в ход дел внутри страны. Можно только добавить к этому, что и сама Анна, и ее кабинет министров придерживались почти такой же точки зрения. По замечанию известного историка прошлого столетия А. Градовского, «кабинет не любил заглядывать внутрь страны». «Вершина русской администрации, — поясняет он, — живет самую внешнюю политическую жизнью. Россия для нее только средство для добывания сумм, нужных для того, чтобы участвовать в общем хоре западных держав». Это хорошо видели иностранные [175] резиденты. По их наблюдениям, «цель двора достигнута, если в Европе говорят, что Россия богата».

Иностранцев поражало и то, что Россия, обладавшая колоссальными подспудными возможностями и проявившая несокрушимую мощь в Северной войне, как бы не знала, куда деть свои силы, и искала того, кто бы их как-то направил. Не без иронии в адрес и русских и немцев об этом говорит маркиз де Шетарди: «Немцы (если можно назвать так сборище датчан и пруссаков, вестфальцев, голштинцев, ливонцев и курляндцев) были этими первыми встречными; они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляют его движениями». Другой иностранец замечает, что «Россия вела всегда войны со времени Петра, но не война истощила государство, оно истощено роскошью, дурным управлением министров, переводом за границу сумм, наконец, бесплодная распушенность, тщеславие и суетность разоряют государство».

Ценности, когда-то награбленные Меншиковым, в конечном счете вернулись в казну. С любимцами Анны Ивановны дело обстояло хуже.

В указе об аресте Бирона несколько не преувеличивалось, когда временщику ставилось в вину, «что он несказанное число казенных денег и прочих дорогих вещей, к невозвратному государственному ущербу, похищал, и, к корыстным своим намерениям, по большей части вне государства себе в пользу употреблял».

В. Строев особенно настаивал на том, что и при Петре двор тратил не меньше Анны. Он воспроизводит известные данные о расходах на 1734 год, где из почти восьми миллионов на двор приходится лишь 260 тысяч и на конюшню 100 тысяч рублей. Но ведь в эти суммы не входят «внеплановые» расходы вроде указания А. Маслову 15 февраля 1734 года уплатить из доимочных денег за взятые «в комнату Нашу у Исака Либмана алмазных вещей на 18733 руб. 75 коп.». Очевидно, не из своего «скромного» дворцового капитала Анна жаловала своему фавориту одновременно полмиллиона. Самые разные ведомства участвовали и в печально знаменитом «представлении» под занавес бироновщины: свадьбе шутов («Ледяной дом»). Эта «свадьба» явилась позором не только роду Голицыных, чей отпрыск исполнял главную роль. Это было позором России, куда более постыдным, чем Нарва или Аустерлиц. [176]

Со Строевым можно согласиться лишь в том, что в 30-е годы не было как таковых немецкой и русской партий. Во всяком случае, их не было при дворе, поскольку весь двор был слишком далек от действительных нужд России. Остерман, Бирон и Миних интриговали друг против друга (что, впрочем, не мешало им довольно солидарно грабить казну и вымогать взятки у иностранных дипломатов).

Пожалуй, лишь Левенвольде проявлял «принципиальность», последовательно добиваясь привилегий для ливонского дворянства. Воюя по мелочам между собой, иноземцы, естественно, стремились опереться на местную знать, по возможности использовать ее в этой борьбе. И противостояла им также неоформленная «русская идея», сознание того, что от иностранцев России блага не дожидаться. Преображенский приказ был завален работой, искореняя проявления «русского» духа. Время от времени русское самосознание пробуждалось и у отдельных вельмож. Но А. Градовский опять-таки был прав, заметив, что «не центральным учреждениям было отразить иноземное влияние: возрождение России ждало свободного народа».

Расправа над многими видными вельможами осуществлялась Анной либо из-за мести, либо на всякий случай, дабы уничтожить возможных руководителей оппозиции. Поводом для расправы с Д. Голицыным послужило дело, возбужденное против Константина Кантемира его мачехой. Голицына обвинили в содействии зятю. Из мелкой семейной дразги создали в 1737 году крупный политический процесс. Князя приговорили к смертной казни, замененной заключением в Шлиссельбургскую крепость, где он скоро и скончался. Через два года расправились и со всеми Долгорукими, причем четверым из них (в том числе Василию Лукичу) отрубили головы. Опала коснулась и многих других фамилий.

При всех жестокостях эпохи в России крайне редко проливали кровь представители древних родов. Преступление должно было выглядеть чрезмерным. И в иностранной колонии дипломатов не поверили официальным обвинениям. Говорили о большом заговоре Долгоруких, Голицыных и других аристократических фамилий с целью низвержения Бирона с его неизменным наставником банкиром Липманом. С.М. Соловьев воспроизвел сообщение из немецких Байретских ведомостей от 7 января 1740 года, в котором говорилось о заговоре русских [177] аристократов «с целью низвергнуть ненавистное иноземное правительство Бирона, придворного банкира иудея Липмана, без которого фаворит ничего не делает, и возвести на престол цесаревну Елизавету». Немецкий автор Э.А. Герман уверял, что Бирон «следует только тем советам, которые одобрит иудей по имени Липман, достаточно хитрый, чтобы разгадывать и вести интриги. Он один только посвящается в тайны герцога, своего господина, и всегда присутствует на его совещаниях с кем бы то ни было. Можно сказать, что этот иудей управляет Россией». Шетарди также полагал, что не Бирон, а Липман «управлял Русской империей». Исходя из этих данных, Покровский, в целом правильно оценивавший бироновщину как движение вспять по сравнению с правлением верховников, увидел в антибироновском выступлении «националистическую реакцию» и «резкие проявления антисемитизма». Эти проявления он находил в документе, где сообщалось, будто «еврей Либерман, придворный банкир и фаворит герцога курляндского, должен был быть предан в руки разъяренной черни».

Покровский допускал модернизацию, перенося понятие конца XIX века в первую половину XVIII. Вопреки его уверениям антисемитизм не распространялся на крещеных евреев, и, следовательно, речь может идти лишь об антииудаизме (юдофобии). Никто и никогда, например, не припоминал Шафирову его еврейского происхождения, хотя, казалось бы, антисемитам выгодно было это сделать при каждой очередной махинации этого «министра». Такой враг иноземцев, как Д. Голицын, даже пострадал в свое время, защищая Шафирова от угрозы справедливого, в общем-то, наказания. Но об антииудаизме, видимо, говорить было можно. После ареста Бирона «заплечных дел мастер» Ушаков ставил в вину Бирону жестокости своего собственного ведомства, а также то, что он «никакого закона не имел и не содержал». Очевидно, кое-кто и самого Бирона подозревал в тайной принадлежности к иудаизму. Ответ Бирона, будто ему негде было держать пастора, удовлетворить, конечно, не мог. В свою очередь, В. Строев отмечал в качестве примера гуманности

Бирона, что «у себя в Курляндии Бирон очень протезировал евреям и вообще показывал широкую веротерпимость, как человек, затронутый современными ему философскими идеями». Правда, автор обошел другой факт: когда дочь Бирона перешла в православие, ей пришлось [178] бежать из дому и просить защиты у самой Елизаветы — такова была ярость отца. Веротерпимость Бирона, следовательно, была довольно избирательной.

Сообщение о намерении отдать на растерзание «черни» Липмана вряд ли имеет под собой какое-либо основание. О нем знали лишь на самом верху, а также там, куда перекачивались награбленные в России деньги. Самое появление Липмана при дворе Строев объясняет финансовыми услугами, которые он оказал Анне в Митаве, и банкиру не было особой необходимости искать популярности за пределами двора. Бироновщина означала прежде всего централизованную систему грабежа страны.

Василий Никитич Татищев на первых порах также получил повышение. Он был обер-церемониймейстером во время торжественной коронации Анны в апреле 1730 года. Ему пожаловали чин действительного статского советника, а также деревни с тысячью душ. Анна Ивановна в это время нуждалась в советах Татищева. До возвращения двора в Петербург беседы велись по самым разным вопросам. Демонстрируя внешне свою приверженность идеям Петра, Анна просит Татищева написать историю царствования императора. Естественно, она ожидала, что такой труд будет содействовать укреплению идеи самодержавия. Но Татищев уклонился от предложения, сославшись на то, что многим не понравится правдивое изложение событий, а писать неправду он не хочет. Видимо, не так просто было Татищеву изобразить и деяния самого Петра. Все равно о многом пришлось бы умалчивать, а кое-что изображать не вполне согласно с истиной. Другой обсуждавшийся с Анной вопрос касался создания «академии ремесел» в четырех отделениях: архитектуры, механики, живописи и скульптуры. В числе руководителей отделений должны были выступать Растрелли и Татищев. Из-за противодействия Остермана проект не был утвержден.

Не были осуществлены и многие другие предложения Татищева, тем более что с переездом двора в Петербург непосредственно Татищев воздействовать на императрицу уже не мог. В итоге лишь одним его мнением Анна не могла не заинтересоваться: исправлением денежной системы. Ничего нового в этом предложении не было. Но далее откладывать было нельзя, поскольку вставала угроза полного нарушения финансового обращения. В созданной в июне 1730 года комиссии о монетном деле [179] Татищев стал фактическим руководителем и затем получил должность «главного судьи» в Монетной конторе.

Нетрудно, однако, представить, что Татищев просто не мог сохранить достигнутого на первых порах положения. Ни образ жизни, ни направление мыслей Анны не могли побудить ее приближать людей, заинтересованных в процветании отечества. Многочисленные и разнообразные предложения Татищева ей попросту докучали. Вдобавок у Татищева сразу установились враждебные отношения с Бироном, влияние которого на Анну он, возможно, поначалу и недооценил. Враждебность Бирона, конечно, нельзя было уравновесить какими угодно заслугами перед отечеством: в глазах Бирона они вообще не имели цены, а Анна нередко даже и незаметно для себя смотрела на вещи глазами Бирона. Никогда не был в числе доброжелателей Татищева и Остерман. В декабре 1731 года во главе монетного дела Анна поставила сына Гавриила Головкина—Михаила (1705—1775), произведенного также в сенаторы. Такое возвышение молодого Головкина связано было, естественно, не с его деловыми качествами и даже не с заслугами отца в деле сохранения за Анной неограниченной власти, а с женитьбой Михаила на двоюродной

сестре Анны — Ромодановской. Назначения были своеобразным свадебным подарком великодушной императрицы.

Михаил Головкин был достаточно дельным работником, небезразличным к государственным интересам. Однако не настолько, чтобы во имя этих интересов отказаться от собственной выгоды и незаслуженной чести. Да и Татищев не мог переносить, когда люди значительно более молодые возрастом и опытом начальствовали над ним, Бирон ловко воспользовался ситуацией, чтобы, как позднее отмечал Татищев, «ссоривать» его с Головкиным. Да и надо было совсем немного: Татищев был почти вдвое старше Головкина и неизмеримо крупнее его как знаток монетного дела. Избавиться от человека несравненно более знающего и заслуженного — стремление многих молодых «начальников».

Случай устранить Татищева вскоре представился. Еще в сентябре 1731 года компания из десяти человек во главе с неким Корыхаловым заключила с казной контракт, по которому обязалась скупать у населения старые серебряные монеты и переплавлять на установленную норму. За два года компания выменяла более [180] 4,5 миллиона рублей старой монеты. Прибыль казны от этой операции составила 13,5 тысячи рублей, а прибыль компанейщиков свыше 82 тысяч. Рассорившийся с компанией ее участник донес Головкину о разных злоупотреблениях, совершавшихся компанейщиками, возложив определенные обвинения на членов Монетной конторы, в том числе и на Татищева. Татищев был отстранен от должности главного судьи и предан суду за содействие компанейщикам.

Факты, упоминавшиеся в деле, по всей вероятности, соответствовали действительности. Но оценка их была различной. Компания выполнила большую работу, выменяв свыше трети всех неполноценных серебряных монет. Поскольку речь шла о приостановке инфляции, то ожидать дохода казне, по мнению Татищева, и не следовало. «Хотя бы казне и той прибыли не было, — писал он незадолго до этого, — то довольно, что лучшую и весьма порядочную монету в государстве иметь будем, чрез что, кроме пользы в купечестве, слава государственная более прибыли почитаться может». Лишить же прибыли компанейщиков, резонно рассуждал Татищев, значит нанести ущерб самому желанию участвовать в любого рода компаниях. Все его предложения всегда сводились к поощрению компаний и частного предпринимательства, хотя было очевидно для всех, что ни одна компания не обходилась без больших или меньших злоупотреблений.

Татищев, его коллеги по Монетной конторе, А. Маслов и другие лица за содействие получали от компанейщиков ту самую «мзду», которая фигурировала в деле 1723 года, тем более что, как отмечалось, жалованья и при новом правительстве не платили. Сами компанейщики на суде говорили, что Татищев не вернул им три тысячи рублей, взятых в долг. Татищев же позднее в письме к И.А. Черкасову объяснял все интригой Бирона и Головкина, стремившихся захватить доходное место в свои руки.

Вопреки сомнениям некоторых историков дело, видимо, так и обстояло. По представлению Головкина новый контракт был заключен с донесшим на коллег Дудоровым, которому позволялось набрать компаньонов по своему усмотрению. Новая компания развернула такую бурную деятельность, что сразу попала в поле зрения А. Маслова. Незадолго до смерти он доносит императрице о хищениях президента Коммерц-коллегии Шафирова и его [181] коллег сенаторов, которые за три года вообще не дали каких-либо отчетов о расходах. Другим явным притоном явилась контора Михаила Головкина. Из-за болезни Маслов воздерживался говорить подробно «о конечном упущении монетных дворов». Но он напоминает о том, что «эти господа знают, что я молчать не буду». Перед угрозой разоблачения сенаторы устроили настоящий заговор против Маслова, «трудятся уже несколько дней, не

только пересылаясь между собой по делам, но и в Сенате советуются, выслав вон обер-секретаря и секретарей».

«Конечное упущение монетных дворов» могло явиться, конечно, лишь следствием отстранения Татищева, поставившего на твердую почву и техническое оснащение дворов, и финансовую систему страны. Будучи много лет в курсе деятельности Монетной конторы, Маслов не мог не видеть, что отстранение Татищева вызывается отнюдь не деловыми соображениями. Но вряд ли он смог бы действительно осуществить свою угрозу в адрес Михаила Головкина и некоторых других вельмож: Анне важно было иметь на каждого компрометирующий материал, а кого она накажет, это могла определить она сама с ближайшим своим окружением.

Одно из поразительных (а в сущности, закономерных) явлений эпохи бироновщины заключается в том, что те же лица, что беззастенчиво расхищали богатства страны, устраивали и процессы с обвинениями во взяточничестве того или иного русского администратора. Так, уже в 1730 году был привлечен к суду за разные злоупотребления, в том числе за взятки, Артемий Петрович Волинский, бывший губернатором в Казани. В изыскании источников доходов Волинский никогда не был особенно щепетилен. Да он не слишком и скрывал это. Он признавался в получении взяток в письме к дяде — упоминавшемуся родственнику царицы Семену Андреевичу Салтыкову. Признался он и на суде, например, в получении 2500 рублей за освобождение ясачного населения от корабельной повинности (были с его стороны и иные поборы). Но ему удалось уйти от серьезного наказания, во-первых, благодаря заступничеству дяди, во-вторых, путем вручения «заинтересованным» лицам весомых «подарков». К чести Салтыкова должно заметить, что он резко осудил поведение племянника и как губернатора, и как человека. Напротив, Бирон разыграл роль [182] друга-покровителя, спасавшего человека, попавшего в беду. Волинский надолго попал в круг лиц, обязанных своим положением Бирону.

Положение Татищева в 1733 году оказалось куда более сложным. Хотя чисто финансовые начеты на него были относительно пустяковыми, выплатить их лишь за счет доходов с деревень было для него нелегко. К тому же, как можно понять из его более поздних записок, он был последовательным противником перекалывания на крестьян такого рода чрезвычайных расходов. Главное же заключалось, конечно, в чисто моральной стороне: его стремились опорочить, лишить возможности влиять на кого-либо из окружения императрицы. Михаил Головкин готов был требовать самой суровой расправы с Татищевым. Поэтому последовавшее в марте 1734 года решение Анны закрыть это дело и отправить Татищева на Урал выглядит неожиданной милостью.

Позднее, однако, Татищев объяснял свое назначение как ссылку. В письме к М.И. Воронцову в 1748 году он связывал ссылку даже и не с монетным делом, а со своим представлением императрице проекта об устройении училищ и распространении наук. Татищев уверял, что «ея величество милостиво и с благодарением изволила принять, но злостием немцов не токмо то опровергнуто, но я в Сибирь под видом милости или пользы заводов отлучен». И этим указанием Татищева нельзя пренебречь: записка осела именно в делах Бирона. Вопрос может заключаться в другом: почему проект вызвал такую реакцию? По подсчетам Татищева, в 1733 году обучалось всего 1850 человек, из которых лишь пятьдесят человек учились ремеслам. Тратилось же на это обучение 160 тысяч рублей. Татищев же предлагал такой порядок обучения, который позволил бы довести число учащихся до 21 тысячи с сокращением общих затрат на 50 тысяч рублей.

Проект Татищева предусматривал примерно ту систему, которая сложится в России к концу XVIII столетия. Он предлагал создание училищ трех типов. «При всех городах сначала до 120 или 200 семинариев для мужских и женских персон» должны были принять 12 тысяч учащихся. В этих школах дается начальное

образование. Следующей стадией должны были явиться гимназии «для произведения нижних и предуготовления к высоким наукам». Для начала Татищев считал достаточным [183] открытие гимназий в четырех городах с 6000 учащихся. И наконец, два высших заведения: «академии или университета» «для произведения в совершенство в богословии и философии и со всеми частями». Здесь должно было обучаться 2000 учеников. Несколько расширился также открытый в 1731 году Кадетский корпус. «Для пользы мануфактур и всяких ремесел» опять-таки предлагалось учредить две академии с 500 учениками.

Нет ничего удивительного в том, что проект Татищева не был принят: правительство не видело смысла в столь широком распространении образования. Но кажется странным, что этот проект послужил одной из причин гонений на Татищева. Причина может заключаться лишь в резкой критике Татищевым существующей системы (или бессистемности) образования, особенно образования, получаемого через Академию наук, целиком захваченную немцами. Татищев воспользовался случаем, чтобы еще раз напомнить, какое это дорогостоящее и бесполезное учреждение — Академия наук.

В Академии наук обучалось в 1733 году 120 человек, а расходы на них составляли 25 тысяч. Это был самый высокий расход на одного обучающегося. Исходя из того, что учились там преимущественно немцы, а выгоды от этого государство никакой не имело. Татищев предлагал регулярное обучение при академии закрыть, а расход на нее по этой статье сократить до семи тысяч. Естественно, что предложения об экономии средств не могли не заинтересовать императрицу. Но так же естественно, что ее немецкое окружение не позволило бы экономить за его счет. Напротив. Любая экономия в это время в те же карманы и стекалась. Татищев явно переоценивал рвение императрицы отдавать все силы благу отечества. Там, где затрагивались личные или корпоративные интересы временщиков и фаворитов, государственные потребности отодвигались и задвигались, а напоминая о них служащий немедленно становился объектом всеобщего негодования. Нужен был повод. И он нашелся. Казнокрады, распорядившиеся едва ли не всем государственным доходом по своему произволу, державшие даже собственных чиновников на «подножном корму», разыгрывали роль непорочных блюстителей законности.

После возвращения двора в Петербург Татищеву было практически невозможно не только влиять, но и непосредственно общаться с императрицей. Поэтому резкий [184] поворот в судьбе Татищева не может связываться с собственным ее настроением. Кто-то просил Анну о закрытии дела, может быть, даже и без ведома самого Татищева. И видимо, ходатаями были в первую очередь С.А. Салтыков и А.С. Маслов. Салтыков в 1734—1737 годах (он был московским генерал-губернатором) являлся едва ли не первым в числе частных корреспондентов Татищева, а участие Маслова заметно в данной Татищеву инструкции.

Именно в 1733 году была создана Комиссия по приведению в порядок казенных горных заводов. В состав этой комиссии вошли и М. Головкин и А. Маслов. Эта комиссия должна была выработать предложения по подъему убыточных казенных предприятий и, естественно, пересмотреть состав лиц, занятых в управлении ими. Работа в комиссии обнажила не только разный подход к решению основных экономических вопросов Масловым и Головкиным, но и побудила обер-прокурора внимательнее присмотреться к деятельности Монетной конторы, перешедшей в руки его коллеги. Довести последний вопрос до конца Маслов не успел и, возможно, все равно не смог бы. Летом 1735 года Сенат специальным решением одобрил деятельность Головкина, дабы пресечь разговоры, связанные с угрозой разоблачения. Но в комиссии прошло именно мнение Маслова.

Помимо своей основной должности, в рассматриваемое время А. Маслов возглавлял еще Доимочный приказ. В годы правления верховников аппарат выбивания податей с крестьян и другого населения был существенно ослаблен. Это привело, естественно, к резкому сокращению поступлений в казну. Но это же в какой-то мере позволило несколько передохнуть деревне, на что, в частности, и рассчитывали некоторые верховники. Теперь Бирон загорелся мыслью о недобранных, миллионах. Взыскивать их поручили Маслову.

Картина, представшая взору обер-прокурора, была гнетущей. Далеко не всегда ослабление давления сверху приводило к облегчению в самом низу. Помещики спешили использовать передышку для двойного обирания: крестьян и казны. И Маслов решительно встает на защиту крестьян, раскрывая в рапортах императрице и Би-рону глубину обнищания трудового населения, а также разоблачая хищничество «бессовестных» помещиков, чиновников и самих правящих верхов. Маслов не побоялся [185] сообщить, в частности, о том, что хлеб из мякины и коры едят крестьяне даже в вотчине одного из богатейших людей России, А.М. Черкасского. Ничуть не лучше было положение и в вотчинах М. Головкина, крестьяне которого к концу правления Анны пришли «во всеконечную скудость и разорение» от произвольных поборов.

По настоянию Маслова часть недоимок была снята. Он предлагал и более действенные меры, настаивая на выработке особого уложения — «учреждения», где были бы ограничены и четко определены крестьянские повинности, а также предусмотрены обязанности помещиков по отношению к крестьянам. Это был, конечно, вызов: сенаторы, которых по должности приходилось в первую очередь контролировать Маслову, даже приблизительно не удовлетворяли требованиям обер-прокурора. Ясно, что никаких последствий представление Маслова не имело. Но несколько лет спустя с этими идеями придется встретиться в ряде записок Татищева. Очевидно, по настоянию Маслова в инструкцию Татищеву был включен и вопрос о сравнительной производительности вольнонаемного и крепостного труда. Но на расчеты Татищева после смерти Маслова отвечать было уже некому.